

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2021-14-2-78>

УДК 82.09

КРЕСТЬЯНСКИЕ УТОПИИ АЛТАЙСКОГО КРАЯ В РУССКОЙ ПРОЗЕ 1960–1980-х гг.

С.М. Козлова (Барнаул, Россия)

Аннотация

В конце 1960 – начале 1970-х гг. КПСС и советское правительство, осуществляя программу построения коммунизма в короткие сроки, запустили процесс индустриализации сельского хозяйства и пролетаризации крестьянства. Писатели деревенской темы восприняли это движение как угрозу национальной идентичности русского народа и пытались противопоставить государственным проектам исторический опыт низовой крестьянской инициативы в создании сельских сообществ высокого производительного труда, сословного равенства, изобилия и самобытной культуры.

В статье рассматриваются два типа художественных моделей крестьянского мироустройства: «закрытый», ориентированный на многовековые традиции русской крестьянской общины (В. Личутин, В. Распутин), и «открытый», характерный для утопий Алтайского хронотопа, ориентированный на послереволюционный крестьянский новострой (С. Залыгин, В. Шукшин).

Проблема в степени утопического и реального в моделях того и другого типа и их приемлемости в современных поисках собственно российского пути возрождения и развития крестьянского мира.

Научным основанием работы по данной теме стали исследования истории и теории жанра утопии и его модификаций в русской прозе второй половины XX в.: К. Чистова, Я. Лурье, В. Шестакова, Е. Шацкого, В. Грихина, В. Чаликовой, К. Парте, А. Гулыги, Н. Цветовой, Н. Ковтун, А. Разуваловой и др.

В работе использовались социологический, сравнительно-исторический, сравнительно-типологический, мотивный методы.

Ключевые слова: *утопия, миф, проект, крестьянское мироустройство, переселенцы, Сибирь, Алтай, Россия.*

Постановка проблемы. Вторая половина XX в. ознаменовалась предчувствием конца аграрной России. Партийные программы готовили индустриализацию российской деревни, превращение колхозов в «фабрики хлеба и мяса», колхозников в пролетариев, наемных рабочих с 8-часовым рабочим днем, проживающих не в собственных домах-усадебках, а в многоквартирных казенных зданиях. Стирание границ между городом и деревней должно было окончательно стереть с лица земли веками складывавшийся крестьянский мир.

В 1970–1990-е гг. при общем экономическом застое и кризисе провал этой программы был неизбежен, а начавшийся развал колхозов и совхозов вверг российскую деревню в хаос. Этим разрушительным процессам русская литература пыталась противопоставить крестьянские утопии как возможные проекты спасения

и возрождения российской деревни и всей России, т.к. утрату и гибель крестьянского мира она представляла как конец России вообще.

Проблема в существенном различии социального моделирования крестьянского рая: «закрытого» типа, представленного В. Распутиным и В. Личутиным, и «открытого» у С. Залыгина и В. Шукшина.

Цель статьи – прояснить степень утопичности и реальности литературно-художественных моделей того и другого типа и их приемлемости в современных поисках собственно российского пути возрождения крестьянства и развития аграрной системы страны.

Научным основанием работы по данной теме стали исследования истории и теории жанра утопии и его модификаций в русской прозе второй половины XX в.: К. Чистова, Я. Лурье, В. Шестакова, Е. Шацкого, В. Грихина, В. Чаликовой, К. Парте, А. Гулыги, Н. Цветовой, Н. Ковтун, А. Разуваловой и др.

В работе использовались социологический, сравнительно-исторический, сравнительно-типологический, мотивный методы.

Постановка проблемы. Географическое расположение крестьянского рая предполагало крайнюю удаленность от государственного центра России: у В. Личутина («Скитальцы», 1986) – это Северное Поморье, у В. Распутина («Прощание с Матёрой», 1976) – остров на Ангаре, у С. Залыгина («Комиссия», 1975) и В. Шукшина («Любавины», 1965) – Алтайский край. Общими мотивами в этих утопиях были природное изобилие и сокровенность обетованного места, сохранность этнических особенностей и духовной культуры переселенцев, идиллия соборного труда и досуга крестьян. Сцены сенокоса в «Прощании с Матёрой» В. Распутина или в «Любавиных» В. Шукшина – самые поэтические.

Писатель-сибиряк с Ангары В. Распутин и северянин с Печоры В. Личутин опираются на многовековой традиционный уклад хозяйственной и духовной жизни крестьянской общины, поддерживаемый в «Беловодье» В. Личутина строгими уставами старообрядческого скита, а на Матёре В. Распутина 300-летней традицией общинного землевладения и нравственными заветами православного христианства. Независимость от государства и стабильность уклада достигаются за счет удаленности от центра, закрытости крестьянского общества для внешнего мира: у Личутина и Распутина – в соответствии с жанром утопии – крестьянский рай устраивается на труднодоступных островах. Сакральность места маркирована в «Скитальцах» мифами о Беловодье, «обетованной земле», которую ищут и находят, свято веруя в истинного Бога, русские «раскольники», в «Прощании с Матёрой» – мифологическими образами мирового древа – Лиственя, таинственного Хозяина острова и пр.

Литературные утопии, связанные с Алтайским краем, строятся на иных основаниях, обусловленных особыми географическими и историческими обстоятельствами. Более благоприятные для земледелия природно-климатические условия способствовали и более массовой миграции малоземельного крестьянства из Европейской России, особенно в конце XIX – начале XX в. после снятия запрета

на территории Императорского кабинета и в связи с переселенческой программой П. Столыпина. К 1914 г. на Алтай переселилось около 800 тысяч крестьян, среди которых были украинцы, белорусы, немцы, мордва, прибалты, формировавшие многоукладную систему, открытую для взаимодействия и динамичного цивилизационного процесса освоения Сибири [Разгон, 2010, с. 84, 87].

Результаты исследования. Писатели алтайских нарративов, прежде всего, отказываются от сакрализации, мистификации идеального крестьянского мира. Еще герой повести А. Новоселова «Беловодье» (1917), отчаявшийся найти неведомую обетованную землю, перед смертью наставляет сына: «...Другие опять рассудком затмились и ищут сказку богомерзкую... Думают, на белых водах калачи по деревьям висят.. Не то надо искать... Не такое Беловодье. <....> Вразуми тебя господи! Беловодье оно ото всех стран отличительно. Найдешь, небось... Вдоволь там воды, вдоволь черной земли, и леса, и зверя, и птицы, и злаков всяческих, и овощу... Трудись только во славу божью, как прародитель наш Адам трудился. Не смотри, что хорошо сама земля родит. Потом поливай ее... И про душу не забывай. Не должно там быть власти, от людей поставленной...» [Новоселов, 2012, с. 87–88].

С. Залыгин в романе «Комиссия» развел миф и реальность так же, как он развел пути старца Лаврентия, повлекшего свою паству в место пустынное, бесплодное, но благословенное «для молитвы», и Семена Кривого, осевшего со своим народом на благодатной алтайской земле «для жизни». Сельские общины у Залыгина и Шукшина не изолированы от внешнего мира, открыты ему, они располагаются на больших дорогах, по которым все идут переселенцы, не слишком далеко от крупных районных центров и городов, и железная дорога уже доступна для широкого российского и заграничного торгового оборота. Они охотно осваивают новые достижения цивилизации: сельхозтехника, транспорт, бытовая техника.

Этим существенным различием определяется и степень перспективности социальных моделей сельского мира. Все рассматриваемые произведения заканчиваются трагически: гибель старообрядческой общины, преследуемой «антихристовой» властью («Скитальцы»); затопление Матёры вследствие строительства на Ангаре Братской ГЭС; уничтожение Лесной комиссии колчаковцами; разрушение и гибель крепких крестьянских хозяйств в период начавшейся коллективизации («Любавины»). В то же время трагизм Личутина и Распутина носит апокалиптический характер: крушение крестьянского самоустройства рассматривается как необратимая национальная катастрофа. Тогда как трагический исход проектов Залыгина и Шукшина служит, скорее, жестоким историческим уроком, усвоение которого и предотвращение его повторения открывают возможность реального осуществления утопических моделей.

С. Залыгин в первых своих повестях «Соленая падь», «На Иртыше», описывая процессы, происходившие в российской деревне после революции, достаточно резко критикует большевистскую программу коммунизации сельского

хозяйства под руководством пролетариата, даже вследствие несовместимости крестьянского уклада и пролетарской психологии, которую навязывает крестьянину новая власть («Рабочий по гудку жизнь определяет, отгудел смену, картуз на лоб и пошел в казенную квартиру»). Противопоставляя такой программе свой проект крестьянского самоуправления в «Комиссии», Залыгин устраняет всякое вмешательство в его дела комиссаров и уполномоченных. Крестьяне алтайского села Лебяжье, получив после революции землю, пашни, лес, сами устраивают свое социальное бытие.

Залыгинский проект крестьянского мироустройства восходит к основным идеям аграрной реформы П.А. Столыпина. Отголоском последней является в романе обращение организаторов Лебяжинского общества к документам и планам государственной комиссии по землеустройству в этом крае, с которыми хорошо знаком главный герой романа Николай Устинов, помогавший по собственной доброй воле тогдашним землемерам. Само название организации самоуправления – «Лесная комиссия» – отсылает к «комиссиям по землеустройству» столыпинской реформы. Имеют место в романе оба типа освобождения крестьян от коллективно-общинной зависимости, выдвинутые в программе Столыпина: единоличное («хуторское», «отрубное») и групповое. Причем Залыгин явно негативно относится к первому типу, отдавая предпочтение второму, в большей степени отвечавшему «соборному» характеру славянина. Писатель показывает неизбежное превращение «хуторянина» Григория Сухих, выделившегося на дальний отруб, в кулака-мироеда, не считавшегося ни с общественными, ни с нравственными законами крестьянского мира. Его антиподом в романе предстает Николай Устинов, мудро хозяйствующий на своем личном наделе. В то же время он не обособился от сельского общества: его дом и двор – в деревне, он пользуется на равных правах и в согласии с уставом сельского схода общими угодьями – лесом, покосными и пастбищными лугами, озером, дорогами и пр. Он становится активным членом Лесной комиссии, которая взялась за охрану и восстановление уникального ленточного бора, принадлежавшего императорскому кабинету, а после революции оставшегося без хозяина и подвергнутого самовольному расхищению вплоть до угрозы полного уничтожения. Кроме того, Лесная комиссия взяла на себя и другие обязанности претворения в жизнь идеала социального устройства села, делая ставку, как в свое время столыпинская идея, «на сильных и крепких, а не на пьяных и убогих», понимая под «крепкими» людей с характером, с инициативой, способных начать жизнь по-новому. По словам Н. Ковтун, «...его (Залыгина) сокровенный герой – умный мужик, способный оценить дар жизни, мудрость мироустройства, осуществить “разумное хозяйствование” даже вопреки царящему окрест хаосу: войне, революции» [Ковтун, 2017, с. 85]. Залыгин подробно описывает, как алтайские крестьяне «задумали жить не так, как прежде жили. В складчину покупали сноповязалки, молотилки, сеялки <...> О молочной и потребительской кооперации и говорить нечего: едва ли не в каждой деревне народилась лавка потребительского общества и завод маслодельный

с ручной работой с новым приводом, а в Лебяжке так заведен был завод механический – паровой движок работал на отходах лесного промысла, крутил маслобойки, а когда надо – и лесопильную раму. ...И шло бы это артельное начало дальше помалу-помалу складывалось бы в новую жизнь, может быть, в счастливую, если бы не война» [Залыгин, 1988, с. 90].

Но не только война стала причиной краха дела Лесной комиссии. Залыгин с высоты середины XX в. хорошо понимает утопизм лебяжинского проекта, состоявший в принципе неучастия крестьян в политической борьбе, развертывавшейся в стране. В своей аполитичности, сосредоточенности лишь на делах крестьянского самоуправления герои Залыгина видят способ защиты своего маленького общества от притязаний любой политической власти. Кроме того, упование в деле поддержания социального порядка в селе только на нравственные принципы «сугубой милости» и справедливости не позволило лебяжинцам разглядеть внутренних врагов нового народного самоуправления и защитить себя от них не только словом, но и правосудием. Не случайно началом конца лебяжинского мира стало убийство члена Лесной комиссии Николая Устинова, а приход колчаковцев лишь завершил конец. Для Залыгина будущее крестьянства видится в соединении крестьянского самоуправления на принципах личной земельной собственности и производственно-потребительской кооперации с государственной поддержкой и правосудием.

В. Шукшин в «Любавиных» развенчивает утопизм крестьянского самоуправления с другой стороны – со стороны его культурно-нравственных оснований. Отдавая дань уважения хозяйственности, сметливости, привязанности к земле сибирского мужика, восхищаясь «ясной, простой, законченной целесообразностью» его быта, он в то же время не скрывает грубой, необузданной культурой и просвещением натуры этого мужика, вследствие которой зачатки народного самоуправления превращаются в самоуправство и разбой. Именно поэтому, по мнению писателя, оказались неизбежными раскол и гибель традиционного крестьянского уклада после революции: «Иначе не могло быть. За мальчиком, который победил их, пролетарским посланцем стоял класс более культурный, думающий, взваливший на свои плечи заботу о судьбе страны» [Шукшин, 2014, т. 2, с. 474].

В своих чаяниях культурного возрождения и преобразования деревни Шукшин сближается с утопическими идеями другого выдающегося аграрника России А. Чаянова, нашедшими выражение в фантастической повести 1920 г. «Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии». А. Чаянов, мечтая превратить всю Россию в одно крестьянское поселение, в основу своей аграрной программы положил принципы индивидуального хозяйства, семейно-трудовой организации и производственно-потребительской кооперации. «В основе нашего хозяйственного строя так же, как и в основе античной Руси, лежит индивидуальное крестьянское хозяйство... Каждый работник – творец, каждое проявление его индивидуальности – искусство труда» [Чаянов, 1920].

Важным условием поворота общества к деревенскому укладу жизни Чаянов считает необходимость поднять престиж крестьянского труда, который социалисты «почитали за нечто низшее, за ту протоматерию, из которой должны были выкристаллизироваться «высшие формы крупного коллективного хозяйства. Отсюда старая идея о фабриках хлеба и мяса» [Чаянов, 1920]. У крестьянской России иной путь. В своей утопии Чаянов выступает против строительства крупных городов, привлекающих массы сельского населения и отчуждающих их от земли, которая остается без хозяина. Кроме того, крупные города становятся единственным средоточием высокой духовной культуры, науки, технического прогресса, оставляя на голодном пайке провинциальной полукультуры основную часть населения огромной страны. Вместо городов-мегаполисов он предлагает создать систему небольших городков – культурных центров, обеспечивающих духовные потребности каждого сельскохозяйственного района на самом высоком уровне: высшие учебные заведения, театры, библиотеки, художественные выставки. Создание сети дорог и массовых транспортных средств обеспечит доступность высокой культуры и образования для каждого сельского жителя. Крестьяне в повести Чаянова заняты не только высокопроизводительным трудом на пашнях, в теплицах, оранжереях, в обрабатывающей индустрии, но и постоянным совершенствованием культуры своего досуга: они свободно разбираются в живописи великих мастеров и творчестве Шекспира. В то же время Чаянову хотелось бы сохранить и самобытную национальную культуру народного творчества – плотницкое искусство, вышиванье и пр. Чтобы при обилии ананасов и «хорошего шоколада» «мальчишки свистали, как в доброе старое время, в глиняные золоченые петушки... Двухрядная гармоника наигрывала польку с ходом. Словом, все было по-хорошему» [Чаянов, 1920].

Подобную программу «светлого будущего» деревни развивает в своем творчестве Шукшин. Как и Чаянов, основой крестьянского труда он полагает индивидуальное хозяйство: «Мне бы вот такой маленький трактор и десять гектар земли», – мечтает его герой-сибиряк в рассказе «Жена мужа в Париж провожала». Семейный деревенский лад и труд – другой чаяновский принцип – утверждает Шукшин в целом ряде своих рассказов и статей. Рассуждая о проблеме ухода молодежи из села, писатель, как и Чаянов, видит причину в утрате уважения к сельским профессиям, в чем, по его мнению, немалую роль сыграли «и кино, и литература, и школа», поднимая престиж городских профессий. Шукшину важно вернуть «сельским жителям» достоинство, чувство социальной полноценности, сознание, что именно они «вершат судьбу страны». Как и Чаянов, Шукшин отвергает целесообразность крупных столичных и областных городов, которые изображаются в его рассказах и повестях не иначе как в семантике «вавилонского столпотворения» («Печки-лавочки», «Штрихи к портрету» и др.). Идеальным ему представляются небольшие городки. Такие городки рисует он в своих произведениях: город-рай в «Снах матери» («...дома высокие, и весь вроде он в садах,

весь-то в зелени... Цветы так и колышутся, так и колышутся»), город-храм культуры, город-библиотека («Там торжественно тихо», «тихо, как в церкви»), город высокой технической цивилизации, где «странная чарующая прелесть машин» («Коленчатые валы»). В то же время, как и Чайанов, он мечтает сохранить в деревне изначальную самобытную домостроительную культуру: «Не надо бы насильственно подталкивать ее (деревню. – С.К.) на путь «малой урбанизации»... дайте ему (мужику. – С.К.) возможность самому срубить себе дом. Дайте ему отвести душу – вырезать узоры на карнизе, расписать ставни, посадить под окном березу, “присобачить” на крышу какую-нибудь такую штуку, что все ахнут. А он будет доволен» [Шукшин, 2014б, т. 8, с. 31]. При этом Шукшин приветствует движение городской цивилизации в деревню, преобразующей последнюю в «агрогородок»: «...Если в это понятие входит электричество, водопровод, техникум и театр в райцентре, телефон, учреждения бытового обслуживания – пусть будет агрогородок» [Шукшин, 2014а, т. 8, с.18]. Подобно Чайанову, он настаивает на необходимости движения в деревню не только городских «удобств», но и, главное, самых высоких образцов мировой культуры. В статье «Вопрос самому себе» он посвящает несколько страниц тому, как донести до сельского жителя далекой алтайской деревни фильм Г. Козинцева «Гамлет» с И. Смоктуновским в главной роли. И в то же время с горечью констатирует утрату современной деревней своей народной культуры: «Больно, когда на деревню вечерами наваливается нехорошая тишина: ни гармонь “никого не ищет”, ни песен не слышно» [Там же, с. 17]. Шукшин полагает, что «грань между городом и деревней не должна никогда до конца стереться»: «Современная жизнь с ее грохотом, ритмами, скоростями и нагрузками смалывает человеческие силы особенно заметно. Разумно ли в таком случае не иметь надежного резерва в лице деревни?» [Шукшин, 2014б, т. 8, с. 25].

Выводы. Нарративы идеального крестьянского мироустройства как альтернативы государственным программам индустриализации деревни представлялись и в свое время утопическими. В годы полного развала колхозов и совхозов возвращение к общинному самоуправлению тоже казалось безнадежным. Современный рост мегаполисов, опустошающих деревни, вялое развитие фермерства без прочной опоры на традиции российского землепользования, с одной стороны, делают еще более очевидным утопизм писателей-деревенщиков, но с другой – актуализируют их проекты в направлении поиска собственно российского пути возрождения и нового цивилизованного устройства крестьянского мира.

Библиографический список

1. Залыгин С.П. Комиссия: роман. М.: Советский писатель, 1988. 448 с.
2. Ковтун Н.В. Русская традиционалистская проза XX–XXI вв.: генезис, мифопоэтика, контексты: учеб. пособие. М.: ФЛИНТА: Наука, 2017. 600 с.
3. Личутин В.В. Скитальцы. М.: Вече, 2016. 749 с.
4. Новоселов А.Е. Беловодье // Образ Алтая в русской литературе XIX–XX вв. Антология: в 5 т. Барнаул: Изд-во Барнаул, 2012. Т. 2. С. 84–158.

5. Разгон В.Н. Столыпинские переселенцы на Алтае // Роль аграрных реформ П.А. Столыпина в освоении Сибири и Дальнего Востока: науч-прак. конф. Барнаул: Красный угол, 2010. С. 84–88.
6. Распутин В.Г. Повести. М.: Сов. Россия, 1986. 384 с.
7. Чайнов А.В. Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии. 1920. URL: http://az.lib.ru/c/chajanow_a_w/text_0020.shtml (дата обращения: 24.11.2020).
8. Шукшин В.М. Предисловие к публикации в газете «Литературная Россия» главы из романа «Любавины» // Шукшин В.М. Собрание сочинений: в 9 т. Барнаул, 2014. Т. 2. С. 473–474.
9. Шукшин В.М. Вопрос самому себе // Шукшин В.М. Собрание сочинений: в 9 т. Барнаул, 2014. Т. 8. С. 17–23.
10. Шукшин В.М. Монолог на лестнице // Шукшин В.М. Собрание сочинений: в 9 т. Барнаул, 2014. Т. 8. С. 23–35.

Сведения об авторе

Козлова Светлана Михайловна – доктор филологических наук, профессор кафедры общей и прикладной филологии, литературы и русского языка, Алтайский государственный университет (Барнаул); e-mail: kozlova41@mail.ru

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2021-14-2-78>

PEASANT UTOPIAS OF THE ALTAI TERRITORY IN RUSSIAN PROSE OF 1960s–1980s

S.M. Kozlova (Barnaul, Russia)

Abstract

In the late 1960s and early 1970s, the CPSU and the Soviet government, implementing a program of building communism in a short time, launched the process of industrialization of agriculture and proletarianization of the peasantry. Writers of rural themes perceived this movement as a threat to the national identity of the Russian people and tried to contrast the state projects with the historical experience of the grassroots peasant initiative in creating rural communities of high productive labor, class equality, abundance, and original culture.

The article considers two types of artistic models of the peasant world order: “closed”, focused on the centuries-old traditions of the Russian peasant community (V. Lichutin, V. Rasputin), and “open”, characteristic of the utopias of the Altai chronotope, focused on the post-revolutionary new peasantry order (S. Zalygin, V. Shukshin).

The problem is in the degree of the utopian and the real in models of both types and their relevance in the modern search for the Russian way of revival and development of the peasant world. The scientific basis of this work is the research of the history and theory of the utopia genre and its modifications in Russian prose of the second half of the twentieth century: K. Chistov, Ya. Lurie, V. Shestakov, E. Shatsky, V. Grikhin, V. Chalikova, K. Parte, A. Gulygi, N. Tsvetnoy, N. Kovtun, A. Razuvalova, etc.

We used sociological, comparative-historical, comparative-typological, and motivic methods.

Keywords: *utopia, myth, project, peasant world order, migrants, Siberia, Altai, Russia.*

References

1. Zalygin S.P. Commission. Novel. M.: Soviet Writer, 1988. 448 p.
2. Kovtun N.V. Russian traditionalist prose of the XX–XXI centuries: genesis, mythopoetics, contexts: textbook. manual. M.: FLINTA: Nauka, 2017. 600 p.
3. Lichutin V.V. Skitaltsy. M.: Veche, 2016. 749 p.
4. Novoselov A.E. Belovodye // The image of Altai in Russian literature of the XIX–XX centuries. 2. Barnaul: Barnaul Publishing House, 2012. P. 84–158.
5. Razgon V.N. Stolypinskiye resettsii na Altay [The role of agrarian reforms of P.A. Stolypin in the development of Siberia and the Far East]. Nauch-prak. conference. Barnaul: Krasny ugol, 2010. P. 84–88.
6. Rasputin V.G. Povest. M.: Sov. Russia, 1986. 384 p.
7. Chayanov A.V. The journey of my brother Alexey to the country of the peasant utopia. 1920. URL: http://az.lib.EN/c/chajanow_a_w/text_0020.shtml (access date: 24.11.2020).
8. Shukshin V.M. Preface to the publication in the newspaper “Literary Russia” chapters from the novel “Lyubavina” // V.M. Shukshin works in 9 vols. Barnaul, 2014. Vol. 2. P. 473–474.
9. Shukshin V.M. Question to yourself // Shukshin V.M. Collected works in 9 vol. Barnaul, 2014. Vol. 8. P. 17–23.
10. Shukshin V.M. Monologue on the stairs // Shukshin V.M. Collected works in 9 vol. Barnaul, 2014. Vol. 8. P. 23–35.

About the author

Kozlova Svetlana Mikhailovna – DSc (Philology), Professor, Department of General and Applied Philology, Literature, and Russian Language, Altai State University (Barnaul, Russia); e-mail: kozlova41@mail.ru